

Ровно в девять тридцать вечера Гарри вышел из почти пустого Большого зала и начал свой обычный путь к подземельям. Однако он прошёл мимо них и поднялся по лестнице на второй этаж. Найдя свободное место на площадке, Гарри уселся на него и стал ждать, мысленно планируя свой завтрашний день: сколько эссе ему нужно закончить, сколько домашних заданий, расписание на день, сколько тренировок он хочет сделать и многое другое.

В ожидании прошло около десяти минут, прежде чем он наконец услышал, как открылась и закрылась дверь. Он встал как раз вовремя, чтобы Майкл успел свернуть за угол в коридор. Парень выглядел растерянным, потрясенным и почти радостным одновременно.

Гарри стоял в неловкости, не зная, что сказать, а потом полез в сумку и бросил мальчику небольшую фляжку.

"Поможет", - объяснил он. "Это поможет при порезах и синяках, и чтобы не было шрамов. Садись".

Гарри сел рядом с ребенком, осматривая руку.

"Тебе помочь нанести мазь?"

"Н-нет, я сам справлюсь".

"Что я тебе вчера говорил?" - спросил Гарри, вытирая лицо ребенка.

"Никогда не позволяй им видеть, как ты плачешь. Но это трудно".

"Я знаю", - мягко сказал Гарри. "Мы будем работать над этим".

Майкл начал медленно втирать желтую мазь в правую руку, хныкая при этом. Некоторое время они сидели молча, прежде чем Майкл заговорил.

"Зачем ты здесь?"

"Я обещал, не так ли?"

10.

Ровно в девять тридцать он вышел из почти пустого Большого зала и начал свой обычный путь к подземельям. Однако он прошёл мимо них и поднялся по лестнице на второй этаж. Найдя свободное место на площадке, Гарри уселся на него и стал ждать, мысленно планируя свой завтрашний день: сколько эссе ему нужно закончить, сколько домашних заданий, расписание на день, сколько тренировок он хочет сделать и многое другое.

В ожидании прошло около десяти минут, прежде чем он наконец услышал, как открылась и закрылась дверь. Он встал как раз вовремя, чтобы Майкл успел свернуть за угол в коридор. Парень выглядел растерянным, потрясенным и почти радостным одновременно.

Гарри стоял в неловкости, не зная, что сказать, а потом полез в сумку и бросил мальчику небольшую фляжку.

"Поможет", - объяснил он. "Это поможет при порезах и синяках, и чтобы не было шрамов. Садись".

Гарри сел рядом с ребенком, осматривая руку.

"Тебе помочь нанести мазь?"

"Н-нет, я сам справлюсь".

"Что я тебе вчера говорил?" - спросил Гарри, вытирая лицо ребенка.

"Никогда не позволяй им видеть, как ты плачешь. Но это трудно".

"Я знаю", - мягко сказал Гарри. "Мы будем работать над этим".

Майкл начал медленно втирать желтую мазь в правую руку, хныкая при этом. Некоторое время они сидели молча, прежде чем Майкл заговорил.

"Зачем ты здесь?"

"Я обещал, не так ли?"

Следующие несколько дней больше походили на один день. После дуэли с Невиллом на уроке зелий люди стали относиться к нему более дружелюбно - одни из-за их нынешней позиции по отношению к Лонгботтому, другие потому, что им вдруг захотелось с ним подружиться.

Поначалу Гарри испытывал искушение сказать им, чтобы они отвалили, как он всегда делал. Он никогда не любил друзей, по крайней мере, после инцидента на его первый Хэллоуин в Хогвартсе, но он остановил себя, прежде чем что-то сделать.

Четыре года он был изгоем, парнем на задней парте, на которого никто не обращал внимания - если только ему не требовалось написать эссе для лентяев и тупиц. Это был новый старт, начало чистого листа, который определит его будущее в Хогвартсе и в мире волшебников.

Он наконец-то начинал заявлять о себе и становиться известным не только как сирота, сын пары героев войны, зверски убитых в собственном доме после её окончания. Его действия сейчас были крайне важны, и если бы он говорил каждому обратившемуся к нему человеку, чтобы тот засунул свое внимание себе в задницу - это было бы не очень умно.

Поэтому он заставил себя смириться и вести себя прилично, улыбался и смеялся, когда орава прилипал поздравляла его, хлопая по спине, и заводил короткие разговоры, в которых делал вид, что ему не все равно, что происходит в их жизни. Это было труднее, чем любое заклинание или зелье, которое ему пришлось освоить за время пребывания в замке, и от этого хотелось плевать, но он всё равно делал это.

Он заставлял себя сохранять такое отношение ко всем в школе, даже к учителям, и опускал его только по отношению к другим Слизеринцам своего курса.

К своему удивлению, он обнаружил, что физически не в состоянии поддерживать с ними этот фасад, и ему было гораздо комфортнее быть прежним ворчливым человеком. Остальные, похоже, тоже были с ним согласны, поскольку относились к нему с невероятной подозрительностью всякий раз, когда он был хоть немного любезен с ними. Кроме того, невозможно было не высмеивать Малфоя за все те гадости, которые он вытворял.

Занятия были как всегда скучными, хотя учителя стали проявлять к нему повышенный интерес, как только он перестал сдерживаться и действительно старался изо всех сил - но даже тогда он всё ещё отставал от Грейнджер по некоторым предметам (девочка была умна!).

Лонгботтом ничего не сделал в отместку, но это не означало, что мальчик не думал об этом. Казалось, что их последняя встреча оставила его и рыжего проныру одержимыми, и они даже подумывали о том, чтобы как-то отомстить ему. Гарри это забавляло и ничуть не беспокоило, даже если бы у него не было устройства, позволяющего узнать, когда, где и как это произойдёт.

Он постоянно подслушивал разговоры троицы, но ничего не выяснил, однако ему удалось подслушать несколько разговоров, которые, как он полагал, должны были быть известны только ему. Все трое постоянно говорили об Ордене, что бы это ни было, и время от времени в звук вмешивались какие-то странные помехи. Исходя из контекста разговоров, Гарри решил, что это какое-то место или убежище, но не был до конца уверен.

Разумеется, он не включал эти мелкие разговоры в свои ежедневные отчеты остальным Слизеринцам.

Поскольку семестр только начался, а заданий было крайне мало, Гарри успел закончить все семнадцать эссе, которые ему поручили, к среде, а в четверг начал их раздавать. Обычно он брал по десять галлеонов за задание, если только это не был выпускной проект, что было крайне завышенной ценой, но поскольку он давал гарантированные отличные оценки, у него было много клиентов.

Это был хороший бизнес, он получал в среднем четыреста галеонов в неделю, хотя в начале семестра этот показатель был несколько ниже, так как люди обычно сдавали и оплачивали домашние задания только после первого месяца.

В четверг он раздал пятнадцать эссе, осталось два: одно для Финнегана, другое для Паркинсон, и оба он раздаст сегодня до начала занятий.

Закончив с эссе, Гарри провёл оставшееся время за выполнением домашнего задания, зная, что на выходные поступят новые заявки на эссе, читал материалы после ЗОТИ и практиковался в симуляторах в Выручай-комнате.

Закончив, он вышел в коридор второго этажа и стал ждать, когда Майкл выйдет из кабинета Амбридж с еще одной эссенцией заживления для ребенка. Они сидели там около получаса и просто разговаривали, пока Майкл успокаивался, после чего отправились обратно в свои общежития.

В каком-то смысле это был приятный побег из его жизни. В кои-то веки он не чувствовал, что должен постоянно быть начеку и находиться за тысячей стен. Но в то же время каждый раз, когда он слышал всхлипывания мальчишки или видел его искаленную руку, его ненависть к Амбридж возрастала в геометрической прогрессии. К сожалению, он ничего не мог с ней поделать - ни сейчас, ни в ближайшем будущем.

<http://tl.rulate.ru/book/100416/3432626>